

Г. А. ТИРАЦЯН

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АРМЕНИИ
ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. ПО ДАННЫМ
НЕКРОПОЛЯ И БАНИ В ГАРНИ**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЛЕНИНГРАД
1956

Советская историческая наука добилась значительных успехов в изучении древней Армении, особенно в области общественного строя. Установлены черты социально-экономических отношений, сближающие Армению с рабовладельческими эллинистическими странами Передней Азии. Они наблюдаются, главным образом, в земельных отношениях, в наличии частновладельческих, храмовых и других хозяйств, применявших рабский труд, а также в облике древнего города Армении, в котором исследователи раскрыли его классовую рабовладельческую сущность.

Вместе с тем, неоднократно отмечалось то важное место, которое занимала в общественной жизни сельская община, в силу своей консервативности и застойности замедлявшая переход к производственным отношениям античного типа, определяя тем самым специфические особенности рабовладельческого строя древней Армении.

Продвинулось далеко вперед изучение политической истории древней Армении периода правления Еровандянов (VI—II вв. до н. э.), исследована история армянского государства I в. до н. э., а также армяно-римских отношений в первые века н. э.

Менее удовлетворительна степень изученности культуры этого периода и в первую очередь материальной культуры. Это объясняется отсутствием археологических исследований, направленных на изучение Армении эпохи рабовладельческого строя.

Сохранившиеся наземные памятники этой эпохи, среди которых выделяются античный храм в Гарни и эпиграфические памятники, стали предметом многих исследований; результаты этих исследований обобщены в сводной работе К. В. Тревер «Очерки по истории культуры древней Армении», изданной в 1953 г. С 1949 г. в Гарни начались систематические раскопки археологической экспедиции Института Истории АН

Арм. ССР, давшие большой материал, опубликованный в отчетах и отдельных статьях начальника экспедиции Б. Н. Аракеляна.

Настоящая работа посвящена исследованию некоторых результатов раскопок в Гарни, в которых автор принимал участие: рассматриваются материалы, полученные при раскопках могильника и бани, и привлекаются уже исследованные памятники (храм, мозаика).

Работа состоит из введения, посвященного истории изучения Гарни, четырех глав и заключения.

К работе приложен альбом чертежей и фотографических снимков.

Первая глава посвящена обзору памятников материальной культуры Армении VI—I вв. до н. э. Такой обзор всех вещественных данных, относящихся к указанному времени, представляет определенный интерес, так как эти разнородные опубликованные уже памятники до сих пор почти не привлекались при изучении культуры древней Армении.

Первый раздел главы начинается краткой характеристикой политической истории и общественного строя Армении в VI—IV вв. до н. э. В ней рассматривается также ряд первоклассных серебряных изделий этой эпохи, среди которых особое место занимают вещи из состава Ерзнкянского клада (Западная Армения): ритон, чаша-фиала, три кубка, коробочка с крышкой и др. Они являются превосходными образцами древневосточной торевтики и выявляют большое сходство с предметами ахеменидского искусства. Эти изделия сопоставляются с близкими к ним и относящимися к той же эпохе памятниками Грузии, в частности, с лучше исследованным Ахалгорийским кладом. Сопоставление предметов из этих двух кладов позволяет датировать Ерзнкянский клад IV веком до н. э.

Следует предположить, что указанные драгоценные предметы бытовали в среде оформляющейся рабовладельческой знати Армении, где они имели определенный спрос. В связи с этим приводится сообщение Ксенофонта (грань V—IV вв. до н. э.) о наличии такой утвари у Тирибаза, правителя Западной Армении. Последняя часть раздела посвящена описанию армянской одежды V в. до н. э. по данным рельефов Персепольского дворца.

Во втором разделе главы рассматриваются памятники

III—I вв. до н. э.; обзору их предпослан краткий очерк, посвященный социально-экономическим отношениям и основным моментам политической истории рассматриваемого периода.

Усиление общности форм общественных отношений в эллинистических странах Передней Азии и Армении способствовало проникновению и усвоению в Армении надстроечных явлений, в первую очередь в области культуры. В своем развитии культура древней Армении сближалась с эллинскими традициями, и это соприкосновение определило сложение армянской эллинистической культуры.

Наиболее ранними из дошедших памятников армянской эллинистической культуры являются монеты Аршама, царя Софены и Коммагены, правившего во второй половине III века до н. э. В главе подробно рассматриваются отдельные отрасли материальной культуры и искусства этого времени — скульптура, монеты, архитектура, одежда.

Образцы армянской эллинистической скульптуры до нас не дошли, но для установления их характера нам представляется возможным привлечь коммагенские скульптуры I в. до н. э. из Нимруд-дага. Такое сопоставление вполне допустимо потому, что Коммагена и Армения были связаны политическими узами, более чем два столетия Коммагена входила в состав армянского государства Еровандянов, а в дальнейшем, в I в. до н. э. испытывала сильное политическое влияние Армении. Вопросы взаимоотношений этих стран были рассмотрены нами в специальной статье («Страна Коммагена и Армения», Изв. Акад. Наук Арм. ССР, 1956, № 3). Засвидетельствовано также родство идеологических явлений этих двух стран, в частности, в области культовых воззрений. И в Коммагене, и в Армении божества носили как иранские, так и греческие имена, в чем выражается характерный для эллинистических стран религиозный синкретизм, который в обеих странах проявлялся в форме слияния ирано-армянских и греческих божеств. Установление точек соприкосновения между явлениями общественной жизни народов Армении и Коммагены, в частности, их культовых воззрений, имеет немаловажное значение, так как при переводе этих воззрений на язык художественных форм в обеих странах должны были возникнуть одинаковые по своему облику произведения искусства. В самом деле, стилистический разбор показывает, что наряду с эллинскими традициями в коммагенских скульптурах наблюдаются сильные негреческие элементы. Они выявляются в одежде, особенно, в головном уборе, имеющем вид высо-

кой тиары, с покрывалом и свисающими лентами, напоминающей тиграновские образцы армянского царского головного убора.

На территории Армении (Двин) обнаружена голова статуи из туфа, приводящая на память коммагенские скульптурные изображения богов, но она все же сильнее связана с формами местного искусства; она является единственным известным образцом круглой скульптуры этого времени.

В главе рассматривается и вопрос о завозе в Армению из Малой Азии и Греции статуй эллинских богов, о чем имеются письменные и вещественные свидетельства. Среди них особое место занимает голова и рука от бронзовой статуи так называемой «Анаит»; черты лица сближают ее с типом Афродиты, относимым к кругу работ Праксителя.

В качестве памятников эллинистической культуры привлекаются армянские монеты III—I вв. до н. э., сочетающие местные и эллинские формы.

Подробному рассмотрению подвергнута также армянская одежда эллинистической эпохи, что позволяет установить наличие фактической связи между западной, восточной и местной культурами.

Архитектурные памятники эллинистической Армении до нас не дошли, но до некоторой степени материалы для их реконструкции могут дать исследования ранне-христианских памятников, сохранявших многие черты языческой архитектуры вплоть до плана (А. А. Саинян); анализ этих храмов показывает, что армянская архитектура рабовладельческой эпохи обнаруживает некоторые связи с античной архитектурой (обработка отдельных деталей, модульная система).

Памятники материальной культуры Армении первых веков до н. э. немногочисленны и они охватывают далеко не все области культурной жизни армян. Но даже при этой скудости вещественных памятников прослеживается сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов, что является характерным для эллинистической культуры.

В начале второй главы прослеживается история Армении на протяжении первых трех веков н. э., с особым учетом армяно-римских отношений в этот период.

Глава посвящена архитектурным сооружениям первых веков н. э. в Гарни, среди которых особое место занимают выдающийся памятник фортификационного искусства и строи-

тельной техники древней Армении — крепостная стена и замечательный образец античной архитектуры на территории Армении, каким является языческий храм. Оба эти памятника служили предметом специальных исследований. Гарнийская крепостная стена обнаруживает сходство с рядом крепостных стен древней Армении (Ервандашат, Армавир, Ани). Она отличается крупными размерами блоков, чистой отеской и скреплением камней посредством железных скоб.

На одном из блоков крепостной стены была высечена надпись XI года правления Тиридата I, говорящая о выкупе отдельной части стены неким Менеем, что говорит о существовании института литургии в древней Армении. Интерпретацией текста занимались С. Д. Лисициан, А. А. Абрамян, Я. А. Манандян, К. В. Тревер и Г. Х. Саркисян.

Языческий храм, развалины которого были раскопаны в 1909 г., является наиболее восточным образцом храмов, построенных в античном стиле; он по своему декору совпадает с храмами малой Азии (Сагаласс, Термессе), относящимися к I в. По мнению К. В. Тревер Гарнийский храм был посвящен богу солнца Михру.

Менее изучены постройки, открытые раскопками за последние годы к западу и северо-западу от языческого храма. В этот большой строительный комплекс входят три сооружения; в южной части — большой зал с пилонами, в северной — баня, а между ними — следы третьего большого здания. В настоящей работе этому комплексу, как наименее изученному, и особенно бане уделено главное внимание. В плане здание бани представляет собой удлиненный прямоугольник, ориентированный с востока на запад, с выступающими и примыкающими друг к другу четырьмя полукруглыми апсидами с южной стороны. Стены бани так же, как и другие постройки комплекса, сложены из рваного камня (базальта), связанного раствором. В кладке применялись также тесаные туфовые квадраты и кирпич. Внутренние стены бани были оштукатурены.

Баня состоит из пяти помещений, четыре из которых расположены по одной оси. Первое помещение — предбанник имеет богатый мозаичный пол; на южной стороне его — полукруглую нишу. Следующие три помещения носят явные следы отопляемости. Пятое помещение северо-восточной части бани еще не раскопано целиком.

Здание дошло до нас в разрушенном виде, вследствие чего утрачены некоторые очень важные черты его устройства,

которые приходится дополнять по аналогиям (бани в Греции, Сирии, Германии, Сев. Африке).

Детальное изучение раскопанных остатков и приводимые аналогии позволяют определить назначение каждого из отделений бани. Топка находилась в проеме, устроенном в западной наружной стене четвертого помещения; в диссертации приводится ряд античных бань (Дура—Европос, Армази, Зекмауерн), где топки были устроены также в самой стене. Нагретый воздух и дым из нее поступали в подпольное пространство примыкающего помещения и направлялись по подпольным ходам и к остальным двум помещениям.

Многочисленные археологические данные, а также письменные источники (Витрувий) указывают на то, что топки бань служили не только для отопления помещения, но и для подогрева воды, налитой в котел, устанавливавшийся в своде топки; часть такого свода сохранилась в гарнийской бане.

Топка обслуживала три помещения, связанные между собой подпольными ходами. Все они имели два пола, в пространстве между которыми поступал горячий воздух и дым из топки. Нижний пол состоял из утрамбованного раствора, на котором во всех помещениях были установлены столбики из круглых кирпичей, скрепленных раствором. Столбики, сохранившиеся в двух комнатах (36 в одной и 43 в другой), поддерживали верхний пол, который дошел в таком разрушенном состоянии, что в настоящее время трудно судить о его высоте, устройстве и толщине. Изучение сохранившихся остатков пола, а также привлеченный сравнительный материал, показывают, что в отапливаемой первой комнате пол был толщиной около 0,18 м и состоял из чередующихся слоев керамических плит и раствора. Основную часть пола составляли крупные, почти квадратные плиты ($0,65 \times 0,60 \times 0,06$), каждая из которых опиралась углами на четыре столбика. Поверхность пола была образована из толстого слоя раствора с примесью щебня, толченого кирпича и туфа. Высота подпольного пространства определяется примерно в 0,75—0,76 м. Во всех комнатах найдены обломки штукатурки, обвалившейся со стен, с остатками красноватой раскраски.

Отапливаемые, связанные между собой отделения подогревались неодинаково, что позволяет провести дифференциацию назначения отделений, отмечаемую и античными авторами.

Помещение у топки было горячим отделением, о чем свидетельствует сходство в плане с такими же отделениями дру-

гих бань античного мира. В прямоугольной нише этого помещения вблизи топки, вероятно, была установлена ванна.

Остальные два помещения относятся, очевидно, к теплым отделениям бани.

Холодным отделением бани являлась отделенная низкой стенкой глубокая полукруглая ниша, в южной части «комнаты с мозаикой». По двум сторонам стенки, в предбанной комнате и в нише, устроены узкие скамьи. Многочисленные аналогичные гарнийской ниши в античных банях Греции и Северной Африки (Зевголатио, Аргос, Дельфы, Тимгад) подкрепляют наши выводы. Не меньшее значение для такого заключения имеют одновременные крепостные бани Западной Европы, в которых холодное отделение расположено около выхода.

Детальное исследование гарнийской бани с очевидностью показывает, что она не была общественной баней (термами), а обслуживала ограниченный круг людей. Группировка помещений, размещение их по одной оси напоминают сходные банные сооружения в крепостях античного мира, но в то же время отличается от них в отношении простоты как плана, так и отделки. В гарнийской бане особенно выдержан принцип симметрии, а южная сторона здания оживлена четырьмя апсидами, имевшими безусловно и функциональное назначение. В гарнийской бане два помещения были украшены мозаичными полами, из которых один отличался высокохудожественными качествами. Таким образом, гарнийская баня имеет характер усадебной или дачной бани, судя по аналогичным баням вилл античного мира.

Для датировки бани в работе привлекается найденная здесь керамика и учитываются особенности строительной техники, но решающим в этом вопросе является план бани, сходный с планом подобных сооружений на территории крепостей и вилл как западных, так и восточных районов древнего мира. Это позволяет отнести гарнийскую баню к концу II в. или, что кажется более вероятным, к началу III в.

Мозаичный пол, размером $2,90 \times 2,90$ м, выложен из очень мелких разноцветных камней (до 15 оттенков) местного происхождения. Мозаика обрамлена бордюром, сложенным из камней розового цвета. В середине мозаики имеется почти квадратное панно с изображением Океана (в виде бюста мужчины) и Моря (в виде бюста женщины).

Основное поле мозаики изображает море с морскими мифическими божествами и существами (нериды, ихтиокентав-

ры, рыбы, тянущий сеть крылатый рыбак и др.). Изображения снабжены греческими надписями, передающими большей частью имена божеств и nereид (Главк, Галена, Тетис, Пейто, Потос). На самом видном месте гарнийской мозаики, над головами Океана и Моря, помещена надпись: «Ничего не получая, работали», являющаяся, очевидно, фразой из литературного произведения. Изображение на этой мозаике божеств, имеющих прямое отношение к морю и к воде, разнородных морских мифических существ, а также рыб, говорит о связи сюжета с водой. Тем самым подтверждается назначение данного здания, как бани.

Что касается датировки мозаики, то стилистические соображения, в частности, сходство с подобными произведениями Востока, главным образом, Антиохии, а также ее полихромность позволяют относить мозаику к III в. н. э. (Б. Н. Аракелян).

Третья глава посвящена подробному исследованию керамики и стекла первых веков н. э. В начале дан краткий обзор гарнийского некрополя, так как основная масса рассматриваемой в работе керамики, стекла и предметов украшения и вооружения происходит именно из него.

Гарнийский некрополь расположен к северо-западу от крепости. Общее число исследованных в нем погребений в настоящее время доходит до 60. Это—каменные ящики, грунтовые и карасные погребения и могилы, выложенные из булыжника. Анализ погребального инвентаря показывает, что могильник состоит из рядовых захоронений.

Керамика, происходящая из некрополя, делится на две группы. В первую группу входят грубые сосуды, черного или серого цвета, вылепленные от руки. Это горшки «кухонного назначения», обычной бомбовидной формы с широким горлом и плоским дном, иногда с ручкой. Первая группа наиболее связана с древними традициями закавказской керамики.

Вторая группа представлена кувшинами более разнообразными по форме, в большинстве изготовленными на гончарном круге и покрытыми, как правило, светлым характерным ангобом.

Рассмотренные две группы дают основание говорить о сравнительно твердо установившихся типах керамики в первые века н. э.

При исследовании и датировке керамики из гарнийского

некрополя, немаловажное значение имеет привлечение одно-временной керамики, как из других мест Армении, так и из остального Закавказья. Сосуды, покрытые желтоватым ангобом, имеют свои аналогии в керамике первых веков н. э. из Бори (Грузия), а сосуды с бугорчатой поверхностью в керамике Ашнака (Армения) и Самтавро (Грузия). Ко второй группе принадлежат также глиняные бальзамарии, найденные в могилах II и III вв., — два редких для Армении образца.

Особенно выделяются в могильнике погребения в карасах, относящиеся, по видимому, к I в. и началу II в. н. э. Наличие в Двине таких же сосудов первого века до н. э. показывает, что в Армении, как и в других районах Закавказья, погребения в карасах непрерывно бытовали как до, так и после рубежа н. э.

Керамика первых веков н. э., обнаруженная при раскопках в крепости, во многом повторяет образцы, происходящие из некрополя. Заслуживает внимания красная лощеная керамика, имеющая форму плоской тарелки на низкой кольцевой ножке, которая является подражанием образцам восточной группы «terra sigillata». Эти предметы следует считать самыми ранними изделиями рассматриваемой нами керамики.

Разнообразный керамический материал дали раскопки бани в крепости, где были найдены обломки больших толсто-стенных карасов, покрытых характерным ангобом и украшенных рельефным пояском с защипами, расположенными цепочкой, имеющим аналогии в керамике Валаршапата и Дура—Европос.

В Гарни обнаружено сравнительно небольшое количество стеклянных изделий, исследование которых дает много интересных данных, особенно относительно их происхождения, что позволяет судить о связях Армении с другими странами древнего мира.

При ознакомлении с коллекцией гарнийского стекла, бросается в глаза его однородность. В основном это бальзамарии, флаконы для различных косметических составов. В рамках же морфологической общности, определенной одинаковым назначением, можно наблюдать большое разнообразие форм. Наиболее многочисленную группу составляют колбовидные бальзамарии, сосуды со сравнительно низким туловом и высокой шейкой. Представлены также амфоровидные и шарообразные сосуды. В большом числе представлены оригинальные по форме, единичные экземпляры. В цвете стекла также наблюдается разнообразие. По технике изготовления стеклян-

ные изделия из Гарни делятся на две основные группы: свободно выдутые изделия, составляющие большинство, и сосу-ды, выдутые в формах. При изготовлении последних применя-лись двух- и трехстворчатые формы, а также цельные, не разъ-емные формы. В технике производства стеклянных сосудов в одинаковой мере применялась как горячая, так и холодная обработка стекла.

В результате типологического и технологического анализа стеклянных сосудов, в главе делается попытка расположить их в хронологические группы и определить, по мере возмож-ности, производственные центры, из которых они были доста-влены. При датировке сосудов, в первую очередь, учитывались комплексы, в которых они были найдены. Но часто самым достоверным, датирующим могилу предметом являются имен-но стеклянные сосуды, и основным приемом датировки ста-новится сопоставление гарнийских сосудов с подобными же изделиями древнего мира, что во многих случаях позволяет разрешать вопрос и об их происхождении.

К первому веку относится ряд сосудов, в том числе, ма-ленький амфориск с двумя ручками, каннелированным туло-вом и горизонтальным пояском из ромбовидных узоров, ша-рообразный сосуд с одной ручкой и вертикальными каннелю-рами, а также обломки с весьма характерными узорами в ви-де маленьких рельефных сосудов.

Приводимые при разборе каждого сосуда многочисленные аналогии указывают, главным образом, на их происхождение из восточных, в частности, сирийских центров стеклодела.

Это относится, главным образом, к выдутым в формах со-судам с каннелированными стенками — излюбленным прие-мом сирийского стеклодела. Не оставляет сомнения в Сидон-ском происхождении обломки с узорами в виде рельефных со-судов.

К первым двум векам относится большинство гарнийских колбовидных бальзамариев, на что указывает сопоставление их со сходным стеклом из Бори и, главным образом, сирий-скими изделиями из Дура—Европос, которое выявляет чрез-вычайную близость форм, размеров и других признаков.

Ко II веку относится ряд сосудов, выдутые в формах, в том числе сосудики, изображающий плод финикового дере-ва, затем прекрасный сосуд в форме двойной головы девочки, а также обломок днища на кольцевой ножке из тонкого ма-тового стекла, датируемый серебряной монетой Люция Вера. Большое сходство указанных изделий с изделиями I—II вв.

из Дура—Европос, а также из других центров Ближнего Во-стока, делает очень вероятным их сирийское происхождение.

К III веку относится немногочисленная группа сосудов. Среди них заслуживают особого внимания толстостенный со-суд матового стекла, изящных очертаний, со стенками, обра-ботанными шлифовкой и правировкой. Эта техника характер-на для рейнских мастерских, особенно III века, где произво-дились сосуды, богато орнаментированные шлифовкой, очень близкой к узорам гарнийского сосуда, что дает нам основание предположить рейнское происхождение этого найденного в Гарни сосуда, форма которого также находит себе полную аналогию в продукции рейнских мастерских. Неудовлетвори-тельная изученность сирийского шлифованного стекла не по-зволяет пока что уточнить предварительные выводы.

Из того же погребения III века, где был найден указан-ный выше шлифованный сосуд, происходит шестигранный со-суд с надписью—именем «Германос», — выполненной грече-скими буквами на дне. Такие сосуды распространены по все-му античному миру, но имеется основание считать из изго-товленными в одном из центров стеклодела Ближнего Во-стока.

Наиболее поздний материал из Гарнийского могильника относится к началу IV века. К этому времени следует отнести несколько обломков толстого бесцветного стекла, украшен-ного грубыми шлифованными узорами.

В главе III сделана попытка выделить местную закавказ-скую группу стеклянных сосудов, руководствуясь лишь типо-логическими соображениями, так как каких-нибудь следов стеклодела античного времени в Гарни, да и в других райо-нах Армении до сих пор не обнаружено. К сосудам местного изготовления можно отнести группу колбовидных бальзама-риев I—II вв. с яйцевидным туловом и выраженными плечи-ками, известных нам только по экземплярам в Гарни, Севан-ском районе и в Бори. К местным изделиям можно отнести также маленький амфориск с пояском из ромбовидных узо-ров. Такие сосуды известны нам только в Армении и явля-ются прямым подражанием бесспорно сирийским изделиям I в., которые имеют декоративные пояски в виде завитков и изготовлены в стиле школы стеклодела Энниона.

Импортное стекло поступало в Армению вероятнее всего торговыми путями.

В IV главе рассматриваются предметы украшения и вооружения.

В большинстве погребений гарнийского некрополя встречаются бусы и они представляют собой многочисленную и характерную группу вещей. Они разнородны по материалу (стекло, паста, цветной камень, металлы) и разнообразны также по форме (биконические, шаровидные, удлинённые, цилиндрические, гранёные призматические, двойные и т. д.). В основном бусы не расходятся хронологически с инвентарем некрополя. Об этом говорит и тот факт, что они совпадают по виду с подобными украшениями первых веков н. э., встречающимися на широкой территории (Передняя Азия, Северное Причерноморье). Особенно характерны для всего гарнийского некрополя призматические гранёные бусы из синего стекла, чечевицеvidные бусы из стекловидной пасты, имеющие свои аналогии на юге России (I—II вв.), и лигнитовые бусы в виде двойного топорика, подобные найденным в Крыму (II—III вв.). Отдельную группу составляют бусы из цветных камней (сердолик, халцедон, горный хрусталь), шарообразной формы, встречаемой с давних времен на территории Армении. Сравнительно древнюю группу образуют также бусы из голубой пасты, шарообразные, рифлённые, с жилками и «глазками», которые являются несомненно привозными изделиями.

Перстни и геммы в своей массе относятся к I и частично ко II вв. н. э. и выявляют большое сходство с соответствующими изделиями римской империи. Два образца с шариками, припаянными к месту соединения жуковины с шинкой, следует отнести к восточным изделиям.

В некрополе были найдены такие металлические булавки, костяные шпильки, зеркала, пряслища, серьги, подвески обычных форм для погребений первых веков н. э. на широкой территории.

Оружие состоит в основном из наконечников копий и дротиков, кинжалов и ножей. Оружие было найдено только в восьми погребениях.

Древнейшую культуру Армении (VI—I вв. до н. э.) в настоящее время приходится изучать только по случайным разрозненным находкам, так как до сих пор еще не начато систематическое археологическое исследование памятников этой эпохи. Значительно лучше обстоит дело с изучением куль-

туры первых веков н. э., благодаря раскопкам в Гарни, раскрывающим нам разнообразные черты материальной культуры.

В Армении, как и во всем Закавказье, первых веков н. э. выделяется довольно четкая группа керамики со своими специфическими чертами, которые отличают ее как от средневековых, так и от более древних образцов. Тем самым раскопки Гарни позволяют несколько заполнить пробел в истории развития древнеармянской керамики.

Раскопки открыли большое количество стеклянных изделий, главным образом, привозных, но можно отметить также и небольшую группу местных стеклянных изделий. Надо надеяться, что дальнейшие исследования откроют нам достоверные данные по местному стеклоделанию.

Широкие возможности предоставляет изучение Гарни для истории архитектуры и, главным образом, строительной техники первых веков н. э. Так крепостная стена, построенная при царе Армении Тиридате I, показывает знание фортификационного дела, высокий уровень обработки камня и технические приемы закрепления блоков посредством металлических скреп.

Гарнийский материал дает также возможность судить о связях Армении, главным образом, с Сирией.

Связи Сирии с Арменией засвидетельствованы исторически. Особенно наглядно выявляются эти связи в культуре ранне-средневековой Армении. Раскопки в Гарни показывают, что связи существовали и значительно раньше в торговых сношениях первых веков н. э.

Следует сказать несколько слов о характере открываемой раскопками культуры. Прежде всего, следует подчеркнуть ее классовую природу; безусловно, часть памятников, находящихся в крепости, связана с господствующими слоями древнеармянского общества, а именно крепостная стена, храм и баня с мозаикой. Моисей Хоренский, армянский историк V—VI вв., называет Гарни царской крепостью и рассказывает о постройке в ней дворца. В противоположность памятникам на территории крепости, могильник отражает культуру рядового городского населения. Но обе группы памятников дают одинаковый ответ на главный вопрос, с которым приходится сталкиваться при исследовании культуры древней Армении.

Это — вопрос о взаимодействии местных и завезенных извне явлений культуры.

Это взаимодействие в культуре мы прослеживаем на протяжении уже первых трех веков до н. э. и наблюдаем какое-

то равновесие между ее основным, местным и эллинскими элементами.

Изучение культуры первых веков н. э., на основе памятников Гарни, говорит о наличии усилившегося внешнего воздействия на местную культуру, некоторые стороны которой мы старались раскрыть. Нас не должно удивлять присутствие в общем облике этой культуры многих характерных для всего тогдашнего мира черт. Приобщение к римским формам свидетельствует в конечном счете об определенном уровне общества, готовом усваивать, например, последние технические достижения античного мира (баня). Об этом же свидетельствует и мозаика, отвечающая запросам и требованиям верхушки армянского общества. Она обнаруживает близкое сходство с подобными произведениями античного мира, несмотря на то, что в ней имеются и местные элементы, пока что улавливаемые больше интуитивно. Нельзя упускать из виду тот факт, что эта культура сложилась в пору сильной римской экспансии на Восток, сопровождавшейся сильным культурным воздействием. Армения, постоянно ведшая упорную борьбу за свою самостоятельность, не всегда могла отстраниться от культурного влияния Рима.

Следует отметить, что и в этом вопросе — о взаимоотношениях с Римской империей — археологические исследования Гарни позволяют внести существенные поправки. Все больше и больше выясняется участие в создании культуры Армении первых веков н. э. восточных областей Римской империи, главным образом, таких древнейших культурных районов, как Малая Азия (античный храм в Гарни) и Сирия (стеклянные изделия).

Материальная культура первых веков н. э. оставила определенный след в общем развитии культуры Армении, главным образом, в средневековый период. Традиции древней коммунальной техники, выявляемые гарнийской баней, оказались очень живучими на территории Армении, и средневековые бани, открытые во многих местах Армении, имеют много общего с Гарнийской баней, а античные мотивы, представленные гарнийским языческим храмом, продолжают жить и в убранстве средневековых храмов.